

УДК 343

**ОСОБЕННОСТИ ПРИГОВОРОВ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ
ГОСУДАРСТВА В ЭПОХУ ПЕТРА I**

Упоров И.В.

д.и.н., к.ю.н., профессор

Российская академия естествознания

Краснодар, Россия

Аннотация: В начале XVIII в. в России правление Петра I характеризовалось, как известно, значительным усилением абсолютизма, и это касалось всех сфер общественных отношений. Более суровыми становились наказания за преступления, и прежде всего за преступления против государства. В этом контексте в статье рассматриваются организационно-правовые и процессуальные особенности вынесения приговоров по уголовно-политическим делам в рассматриваемый период истории российского государства. Анализируются соответствующие правовые акты, Артикул воинский 1715 г., царские указы и другие документы, научные труды по заявленной проблематике, делаются необходимые обобщения.

Ключевые слова: преступления против государства, приговор, экстракт, тайная канцелярия, уголовное дело, наказание.

***SPECIFIC FEATURES OF SENTENCES FOR CRIMES AGAINST THE
STATE IN THE ERA OF PETER THE GREAT***

Uporov I.V.

Doctor of History, Ph.D., Professor

Russian Academy of Natural Sciences

Krasnodar, Russia

Abstract: In the early 18th century, the reign of Peter the Great in Russia was characterized, as is well known, by a significant strengthening of absolutism, and this affected all spheres of social relations. Punishments for crimes became more severe, and especially for crimes against the state. In this context, this article examines the organizational, legal, and procedural features of sentencing in criminal-political cases during this period of Russian history. The relevant legal acts, the Military Article of 1715, royal decrees and other documents, and scholarly works on the stated issues are analyzed, and the necessary generalizations are made.

Key words: crimes against the state, sentence, extract, secret office, criminal case, punishment.

В годы правления Петра I была сформирована достаточно действенная правоохранительная система, позволявшая жестко охранять абсолютизм как форму государственного правления, и закрепляемая в законодательстве [1]. В частности, в Артикуле воинском 1715 г. самое суровое наказание предусматривалось за преступления против государства; поощрялись извены поданных о таких преступлениях, функционировал институт фискалов. Соответственно были учреждены следственно-судебные органы, которые возбуждали уголовно-процессуальные дела, рассматривали их, выносили приговоры. Эти вопросы нашли достаточно широкое освещение в историко-правовой литературе (в числе авторов Л.В. Батиев, С.А. Лукьянов, И.Л. Бедняков, В.В. Веретенников, А.В. Борисов, Н.В. Стус, И.Ю. Поляков, Н.С. Нижник, Ю.П. Соловей и др.). Вместе с тем некоторые аспекты нуждаются, как представляется, в дополнительном осмыслиении. Исходя из этого, далее внимание будет сосредоточено на уголовно-процессуальных аспектах вынесения приговоров по указанным видам преступлений в рассматриваемый период.

Прежде го заметим, что к тому времени уже вполне сложился общепризнанный порядок, когда приговор выносился после проведения следствия в отношении обвиняемых, при этом следствие по такого рода делам проводил Пре-

ображенский приказ и Тайная канцелярия, причем император лично контролировал деятельность канцелярии, все дела в нее поступали через него, а вот указов, регламентирующих ее деятельность, не было, что говорит о ее функционировании в угоду правительству [2, с. 31]. Для составления приговора подъячие сыскного ведомства готовили «выписку» («экстракт», «краткую выписку», «изображение»), на основе которого затем император или назначенный им суд определял итоговый приговор, что отражалось в протоколе («По указу Его И.В. в Канцелярии тайных розыскных дел слушано дело...» или «Слушав выписку о распоряжении Савве Дугине, определено: оного распоряжения Дугина казнить смертью – отсечь голову». Был и такой вариант приговора: «Учинить по всенижайшему Тайной канцелярии мнению...».

После этой преамбулы излагалась суть дела (т.е. состав преступления). В конце излагался проект приговора с перечнем законов, на основе которых выносили решение о судьбе преступника [3, с. 564]. Обычно на подобный проект приговора обычно следовала собственно резолюция государя, который либо подписывал подготовленный заранее пространный указ, либо ограничивался краткой пометой на проекте или даже на экстракте. Такое положение вытекало из того обстоятельства, что именно сам монарх являлся основным субъектом судебной деятельности по государственным преступлениям. Так, по делу Варлама Левина в 1722 г. приговор выносился следующим образом. Петр I уезжал в Персидский поход и поспешно заканчивал оставшиеся важные государственные дела. 17 апреля 1722 г. арестанта доставили в Москву, где начались допросы Левина и аресты причастных к делу людей, которых начали свозить в Преображенский приказ. 13 мая А.И. Ушаков в докладе царю, уже плывшему по Оке, спрашивал: «Старцу Левину по окончании розысков какую казнь учинить и где, в Москве или Пензе?» Император начертал всего два слова: «На Пензе». В сущности, эти два слова и есть смертный приговор Левину, хотя его дело только что стали рассматривать и еще десятки людей, сидевших месяцами в колодничих палатах, не были допрошены. Между тем судьба человека была уже

решена [3, с. 65]. Это было неудивительным, учитывая жестокость уголовных наказаний в рассматриваемый период [4; 5].

Приведем еще пример - по делу Докукина соответствующий экстракт по делу начинался словами: «В доклад. В нынешнем 1718 году...». Далее излагалась суть преступления. В конце экстракта был поставлен вопрос: «И о том что чинить?». Резолюция императора: «1718 г., марта 17. Великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич, слушав сей выписки, указал по именному своему В.г. указу артиллерийского подьячего Лариона Докукина, что он на Старом дворце, во время божественной литургии подал Его ц.в. воровския о возмущении народа против Его в. письма ..., и за то за все казнить смертью». Эта резолюция, записанная в журнале присутствия Тайной канцелярии П.А. Толстым и Г.Г. Скорняковым-Писаревым как именной указ, имела окончательную силу [6, с. 167].

Следует заметить, что к началу правления Петра I при вынесении приговора по преступлениям против государства руководством для судебских служащих была Глава 2 Соборного Уложения [7], которая носит название: «О государственной чести и как его государево здоровье оберегать». В этой главе политические преступления были выделены из числа других уголовных преступлений, как наиболее важные. Однако в дальнейшем Соборное Уложение 1649 г. уже не могло полностью удовлетворять правительство Петра I, поскольку нормы этого акта представлялись недостаточно жесткими по отношению к антиправительственным действиям. И хотя в заглавии Главы 2 Уложения говорилось о «государской чести», в ее тексте не было ни одной статьи, которая устанавливала бы наказание за словесное оскорбление царя или членов его семьи, за порицание поведения государя или осуждение его мероприятий, за составление «прелестных писем», за искажение царского титула, за осквернение царского изображения и другие подобные действия. Кроме того, в это время в связи с обострением социальных отношений появились новые виды общественно опасных действий против государства, которые требовали своей криминализации.

Речь идет, в частности, о том, что консервативно настроенное боярство и духовенство открыто и тайно выступало против политики Петра I, ими распространялись порочащие императора слухи, негативно обсуждались его указы, преувеличивались симпатии Петра I к иноземцам и его личные недостатки. Эти настроения оказывали влияние и на другие слои общества. Из-за сопротивления консервативной оппозиции многие мероприятия Петра I встречали противодействие. Указы правительства нарушались, саботировались или выполнялись плохо. Одновременно росло и ширилось недовольство среди крестьянства и посадских низов. Рост налогов, введение новых прежде невиданных повинностей, постоянные наборы рекрутов и работных людей нередко вызывали враждебное отношение к Петру I и проводимой им политике.

Для органов политического сыска, и прежде всего Преображенского приказа, основной задачей которых являлось пресечение подобных выступлений путем привлечения виновных к судебной ответственности, реализация последней затруднялась тем, что в его распоряжении не имелось необходимой и достаточной законодательной базы. На этом фоне власть стала формулировать новые составы государственных преступлений и определять наказание за их совершение. Довольно долго это осуществлялось посредством издания отдельных указов, которыми дополнялась указанная выше Глава 2 Соборного уложения, причем, поскольку Петр I начинал свое правление под регентством Софьи Алексеевны, то в первые годы указы издавались ею.

Так, вскоре после подавления стрелецкого движения 1682 г. в Москве в этих указах определялись наказания за составление и хранение «прелестных и смутных писем», а также за произнесение «непристойных слов о государях» и «смутных и похвальных речей Московскому смутному времени». Первый указ, изданный в декабре 1682 г., предписывал: «А буде кто учнет какую смуту к воровству заводить, или кто про то ведал, не известит, и того вора не поймает и учинит ему поноровку: и таковых за начинание тех же воровских дел казнить смертию безо всякого милосердия, чтоб ворам и мятежникам о том было

страшно и помышлять, не токмо затевать, и чтоб впредь такого начинания отнюдь не было и не мыслили никаким образом» [8].

В таком духе и в таком же стиле применительно к преступлениям против государства будут издаваться соответствующие указы и законы весь период правления Петра I. Но объявленные приговоры к смертной казни в некоторых случаях заменялись другими наказаниями. Так, участниками стрелецкого восстания смертная казнь за «непристойные речи» была заменена битьем кнутом и ссылкой по специальному указу в 1683 г. [9]. В том же году городовым воеводам было дано указание о виновных в подобных преступлениях, которые «объявятся в больших винах», писать в Москву, а «за малые вины чинить наказанье, бить кнутом и батоги смотря по вине и по человеку и давать «а поруки, чтоб им впредь таких дел не затевать» [10]. Данные правовые акты, направленные на борьбу с политическими преступлениями, рассылались по приказам и городам.

Тем не менее отставание законодательства от судебной практики в те годы было значительным. Поэтому в практике приказов, занимающихся политическим сыском, постепенно вырабатывались новые, дополняющие юридические понятия, нормы и методы, которые облегчали судопроизводство. Некоторые из них вошли в практику судьи Преображенского приказа. Такую вспомогательную роль сыграло, в частности, возникшее в результате практической деятельности приказов юридическое понятие «государево слово и дело», которое помогало определить состав политических преступлений с большей точностью, нежели соответствующие статьи предшествующих законодательных актов, и прежде всего Соборного уложения. При этом большую сложность представляло собой определение виновным наказаний, которые соответствовали бы степени их виновности, поскольку опять не было соответствующих законодательных норм, и прежде всего в том же Уложении.

Неполнота законодательства заставляла приказных судей обращаться к царю или Боярской Думе, так как в своей судебной практике они часто сталкивались с такими вопросами и делами, по которым не находили соответствую-

ших указаний закона и не могли или не хотели принимать самостоятельных решений. Для оформления этой практики в законодательном порядке в 1694 г. был издан указ, который предписывал судьям «судных и всяких розыскных дел», если им «указу за чем чинить будет не мочно», обращаться в Боярскую Думу. Дума должна была выносить по таким делам особые решения и только в том случае, если сама Боярская Дума была не в состоянии решить вопрос, то он передавался на рассмотрение государя [11]. В этой связи следует еще заметить, что при отсутствии законодательного регулирования состава преступления и ответственности за его решение, соответствующий пробел нередко восполнялся незамедлительно – путем волевого решения монарха, которое в силу его статуса тут же обретало законодательную силу.

Так, в письме кабинет-секретаря Петра I А.В. Макарова руководителям Тайной канцелярии по поводу судьбы двух раскаявшихся раскольников и беглого солдата было сказано: «На письмо ваше, государь мой, указал Его ц.в. к вам писать о раскольниках, которые по определению вашему посланы в Ревель – тем быть так; о обратившихся двух извольте отослать в Духовный Синод, чтоб там определили оных по своему разсмотрению, а третий, который был в службе и не обращается – извольте освидетельствовать, подлинно ль он от службы отставлен был, а ежели не был отставлен, а из солдат бежав, пристал к раскольникам, то оного, яко беглаго солдата, указал Его в. повесить, буде же подлинно он был от службы отставлен и отпускное письмо ему было дано, то его такожде послать в Ревель, как и другие посланы в вечную галерную работу» [12, с. 262]. Подобные примеры можно привести из практики по стрелецкому розыску 1698 г., когда основанием для казни сотен людей были слова царя, внесенные в «допросные пункты»: «По указу Великого государя по розыску велено тех стрельцов казнить смертью» [13. с. 66]. Если этот приговор мог быть действителен в отношении 201 стрельца, прошедших ко дню казни 30 сентября 1698 г. через пыточные камеры и признавшихся в своих преступлениях, то этого нельзя сказать о жертвах массовой казни 3-11 октября. 144 человека вообще

даже не привозили в сыскные палаты и отправили на эшафот прямо из тюрем без всякого, пусть хотя бы формального рассмотрения их де [13, с. 84].

Примерно в середине правления Петра I им было осуществлено определенная систематизация наказаний – в рамках первого отдельного уголовного закона - Артикула воинского 1715 г. [14] Этот закон в контексте рассматриваемой темы характеризуется весьма противоречиво. Характерной чертой Артикула воинского является ярко выраженные устрашаительные цели наказания, которые в первой четверти XVIII в. приобретают наивысшую степень жестокости за всю историю российского права. В этом смысле Артикул воинский и Соборное уложение во многом соответствуют друг другу. Так, смертная казнь предусмотрена безусловно в 74 артикулах и в 27 - альтернативно. При этом ее исполнение, как и по Соборному уложению носило квалифицированные виды: четвертование, колесование, залитие горла металлом, сожжение, повешение, отсечение головы, а также путем "разстреляния" - ранее такого способа приведения смертной казни в исполнение не было. В ряде случаев наблюдалось явное несоответствие между характером этого наказания и деянием. В частности, смертная казнь могла быть назначена за сон во время несения караульной службы (арт.41). Широкое применение имели телесные наказания: как болезненные (битье кнутом, шпицрутенами, заковывание в железа), так и членовредительные (отсечение руки, пальцев, носа, ушей, клеймение).

В Артикуле воинском появляется новое дополнительное телесное наказание, применяемое наряду с лишением свободы - "гоняние шпицрутенами" (арт.1,149,154,158,181), которое в отношении военнослужащих останется в российском уголовном праве еще на полтора века. В указанных нормах шпицрутены заменяют битье кнутом и торговую казнь, имевшие место в Судебнике 1550 года и Соборном уложении 1649 года. Это можно объяснить общей тенденцией уголовной политики государства, направленной усиление устрашаительной роли наказания. В этом смысле Артикул воинский по жестокости наказаний превосходит все предыдущие российские правовые акты.

Вместе с тем Артикул воинский содержит нормы, которые нельзя не отнести к прогрессивным. Речь идет об альтернативности наказаний, которая присутствует в большинстве артикулов, в том числе касающихся наказания в виде лишения свободы (во многих случаях формулировки об альтернативности весьма корявы и нечетки, однако мы на этих нюансах внимание акцентировать не будем). Альтернативой лишению свободы являются такие наказания, как смертная казнь (арт.1,65,167), членовредительное наказание - отсечение руки (арт.85), битье шпицрутенами (арт.149,154,158), штраф (арт.154,158. Встречается и неопределенная альтернатива: "или прочим наказан быть имеет", "или сему подобным" (арт.149,154,158 и др.). В ряде случаев тюремное заключение сопрягается с церковным покаянием (арт.176), а также членовредительным наказанием (арт.63). Указанные нормы свидетельствуют, на наш взгляд, о в значительной мере случайном характере правового регулирования наказания в виде лишения свободы, и организационного единства тюремная система в этот период еще не имела [15; 16].

Вместе с тем получает противоречивое развитие наказание в виде каторжных работ. Как подчеркивает И.Я. Фойницкий, в первой половине XVIII в. каторга была у нас не только и даже не столько уголовным наказанием, сколько местом нужного правительству принудительного труда. Сюда стекались, кроме осужденных преступников, несостоятельные к уплате государственных повинностей и частных долгов для отработки их, тут же находились и люди, приписанные к данным работам, каковы адмиралтейские и артиллерийские служители и заводские рабочие [17, с. 269]. Здесь заметим, что такое положение сложилось не вдруг, неожиданно – оно было продолжением той политики, которая велась и до Петра I Московским правительством. Однако Петр придал этому процессу сильное ускорение. Его проекты преобразований в России предполагали строительство множества объектов различного характера: жилых зданий, крепостей, портов, заводов, разработки минеральных ископаемых, проведения других крупных, в государственном масштабе работ. Для их осуществления

требовалось огромное количество рабочих рук, острая нехватка в которых подталкивала государство к все более широкой эксплуатации труда осужденных преступников. В начале XVIII в. в сфере исполнения наказаний проблема труда преступников вообще выдвинулась на передний план. Уничтожая одних посредством смертной казни и в большом количестве в целях устрашения, государство, вместе с тем, стремилось получить максимальную выгоду от тех преступников, кого оставляли в живых и лишали свободы. Труд осужденных преступников при Петре I стал определяющим фактором в выборе мест отбывания лишения свободы (в виде ссылки на каторгу). Первоначальным сосредоточением значительного количества каторжников был Рогервик (Балтийский порт), куда ежегодно, вплоть до окончания строительства (1767 г.) направлялось до 600 человек [17, с. 268].

Далее следует заметить, что в эпоху Петра I в части наказаний за совершение государственных преступлений действовали в своей основе нормы Московского государства. Поэтому неудивительно, что в приговорах петровского времени фигурируют наказания прежних лет. Между тем перечень уголовных наказаний, применяемых в Московском государстве XVIII в., был относительно небольшим: смертная казнь, телесные наказания, тюремное заключение, ссылка, конфискация имущества. За совершение государственных преступлений применялись практически вся указанная лестница наказаний. Даже чисто церковные наказания в виде ссылки в монастырь «на смирение» назначались в отношении виновных по государеву делу из числа духовных лиц, а также в тех случаях, если политическое дело было связано с расколом и «еретичеством».

Подытоживая, следует отметить, что приговоры за совершение государственных преступлений в период правления Петра I характеризуются следующими чертами. Его вынесению предшествовал письменный «экстракт», где в сжатой форме излагалось существо преступления и мотивировка наказания и который напоминает текст приговора в современной его понимании. Окончательное решение по особо важным политическим делам принимал сам Петр I,

по менее важным – иные субъекты судебной деятельности Боярская дума, воеводы), но опять же по делегированию полномочий от монарха. Основными видами наказания были – смертная казнь, лишение свободы (тюремное заключение и ссылка с принудительными работами, каторга), телесные наказания. Наказания были жестокими и носили устрашающий характер, о чем свидетельствует подчеркнутый характер публичности казни за преступления против власти.

Библиографический список

1. Старков О.В., Упоров И.В. Юриспруденция. Введение в специальность: учебно-методическое пособие. - Москва, 2005.
2. Штейников С.Н. Использование структурного метода исследования при изучении политического сыска России В XVII–XIX вв. // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 1. С. 28-32.
3. Анисимов Е. Дыба и кнут: политический сыск и русское общества в XVIII веке. - М., 1999.
4. Коплик Е.Д. Смертная казнь по уголовному законодательству Петра I // Вестник магистратуры. 2019. № 11. С. 111-115.
5. Корсаков К. В. Развитие института уголовного наказания в России от времени правления Петра I до уголовных кодексов сталинской эпохи // Пенитенциарная наука. 2025. № 1. С. 21-31.
6. Есипов Г. В. Раскольничьи дела XVIII столетия. - СПб., 1861. Т. 1.
7. Соборное уложение от 29.01.1649 г. // ПСЗ-1. № 1.
8. Указ «О нечинении смуты и не о произношении возмутительных слов» от 31.12.1682 г. // ПСЗ-1. Т. 2. № 978.
9. Указ «О чинении, вместо смертной казни, наказания кнутом, за произношение возмутительных слов и о ссылке виновных в разные города» // ПСЗ-1. № 1002.

10. Указ «О принятии строжайших мер против крамольников, разносящих в народе зловредные толки по случаю бывшего стрелецкого возмущения» от 21.05.1683 г. // ПСЗ-1. № 1014.

11. Указ «О пересмотре судных и расправных дел дел, по коим в приказах решения учинить неможно в Золотую Палату, для доклада в общем собрании Бояр и Думных людей и о поднесении дел Самим Государем на разрешение в случае сомнения и по жалобам на несправедливость Боярского приговора»» от 17.03.1694 г. // ПСЗ-1. № 1491.

12. Есипов Г. В. Раскольничьи дела XVIII столетия. 0 СП6., 1863. Т. 2.

13. Богословский М.М. Петр I. - М., 1946. Т.3. С. 66.

14. Артикул воинский 1715 г. // Законодательство Петра 1. - М.: Юрид. лит., 2000. С.428-484.

15. Казак И.Б., Гусев А.С. Лишение свободы в России: историко-правовой анализ истоков (становление системы исполнения наказаний в имперский период XVIII в. - нач. XX в.) // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 450-453.

16. Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII-XX вв.: историко-правовой анализ тенденций развития: монография. - Санкт-Петербург,2004.

17. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. - СПб.,1889.